

ШАТЁР РАХЕЛИ

★ ГАЗЕТА ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ № 2 (4) Май 2009 г.

ПОЗДРАВЛЯЮ С ПРАЗДНИКАМИ!

Уважаемые тверские евреи, а также все, кто читает нашу газету, интересуется еврейской жизнью и нашими еврейскими делами и обычаями. Этот номер – праздничный. Хочется от души поздравить всех с праздниками. Это и 1-ое мая – День Весны и Труда. Поздравляем и с Днем Победы. Только Победа дала нам всем, в том числе и евреям, не только сохраниться самим, но и сохранить свои обычаи, культуру и религию.

Но история наша простирается вглубь веков на тысячи лет. И вот я подхожу к тому, что праздники наши в этот период есть не только близкие, но и очень далекие. С 11 на 12 мая мы празднуем Лаг-ба-Оймер. В этот день прекратилась эпидемия, от которой погибли ученики рабби Акивы – великого учителя Талмуда, жившего во 2-м веке. Праздник этот, как и все еврейские традиции, преисполнен глубочайшего смысла. Мудрецы того времени смогли понять, что учеников рабби Акивы поразила эпидемия отчужденности и нелюбви, но, в конце концов, у них хватило мудрости осознать это. Мы все остро нуждаемся друг в друге. Эгоизм личный и национальный возводит между людьми стену, но она должна быть разрушена. Одна из самых больших бед современного мира – отсутствие единства. Человечество может справиться с глобальными угрозами, только объединившись. И мы объединяемся. Наша община уже который год во главе с нашим раввином выезжает на природу праздновать Лаг-ба-Оймер. Всех приглашаем 17 мая, в воскресенье, в 9.30 к синагоге.

22 мая – день Иерусалима. В этот день в 1967 году произошло объединение Иерусалима. Спустя тысячелетия воссоединенный город вновь стал столицей еврейского государства.

И, наконец, праздник Шавуот. Он имеет еще имя Праздник дарования Торы. В этом году 1-й день праздника приходится на 29 мая (6-ое Сивана). Мудрецы сравнивают дарование Торы с обручением жениха и невесты. В 6-ой день месяца Сиван, прозвучали с горы Синай 10 заповедей. Первого Сивана евреи разбили лагерь в Синайской пустыне, уже готовые получить Тору. 4 дня между Рош Ходеш (новомесечием) и праздником Шавуот – это дни, в которые Моше и наши праотцы были заняты подготовкой к получению Торы – это праздник Шавуот. В день праздника Шавуот в синагогах читается часть главы «Итро» из книги Шмот, начиная со слов «в третий месяц» и до конца этой главы, так как этот фрагмент непосредственно относится к главному событию дня – дарованию Торы Израилю. В большинстве общин принято проводить всю первую ночь Шавуот в изучении Торы, подобно поколению Исхода, всю ночь стоявшего у подножия горы Синай. Для еврея Тора – это не только набор запретов и заповедей, высказываний и воспоминаний. Принятие Торы – это прежде всего принятие особого предназначения, начало служения, которое уже никогда не может быть прекращено.

Итак, хочу пожелать всем хорошим праздников: и тех, что возникли недавно, и тех, что пришли к нам из глубины тысячелетий.

И. ЭЛЬГАРДТ,
председатель тверской
еврейской общины.

Мысль по поводу

Подтверждено историей

В списке всевозможных и всевозможных мифов о евреях есть раздел «Евреи и война». А из мифов этого раздела самых главных и самых устойчивых два: 1) «Евреи воевали в Ташкенте»; 2) «Евреи трусливые, потому что давали фашистам убивать себя без сопротивления».

Что до первого мифа, точнее, брежня, то для его опровержения евреи пролили во время войны достаточно крови, чтобы теперь еще проливать чернила. А вот вторая брехня...

Вообще-то про нее можно сказать то же, что и про первую, если бы не было «но», – адептов и разносчиков этой галиматый до фига евреев.

Лично меня особенно умилил один молодой израильтянин, который разорвался: «Как это двое полицейских их целую сотню вывели на расстрел и никто не... Да я, с одним автоматом целую сотню арабов...!» При этом «с одним автоматом» звучало у него, как знаменитое «с одним топором, без единого гвоздя». Вот только автомат – не топор. И с учетом того малоизвестного в узких кругах факта, что автоматов тогда не было даже в армии, высказывание этой невинной израильской души сходно с высказыванием какого-то американского студента, который, прочитав «Архипелаг ГУЛАГ», сказал: «Если так нарушались законы, то почему никто не позвонил в полицию?» Это, знаете ли, та простота, которая хуже воровства.

А то еще одна милая женщина восхищена ще-

бетала: «Ах, какие молодцы эти израильтяне! Они сами себя защищают!» При этом подразумевалось, что, конечно же, мы, зачуханные советские евреи, себя защитить не можем. И все бы ничего, но рядом сидел ее папа, прошедший всю войну и встречавший с винтовкой фашистские танки. То же, конечно, не топор...

В 70–80-е гг. ходила такая шутка: «Евреи бывают двух видов – смелые и очень смелые. Смелые – те, кто уезжает, очень смелые – те, кто остается». Насчет «уехать-остаться» как признак смелости я сейчас ни рассуждать, ни спорить не буду, но то, что еврей проявляет смелость самим фактом своего существования, подтверждено всей еврейской историей.

Ведь это только Гитлер и Сталин ввели правило, что еврей – это происхождение, порода. От породы, конечно, никуда не убежишь. Но до и после них перестать быть евреем было очень просто. И выгодно, добавим. Может быть, это потому, что тогда автоматов не было. Так что тем евреям, которые оставались, смелости не занимать. И в День Победы мы можем поздравить очень смелых евреев, которые с винтовками, топорами, кулаками дрались за нашу с вами жизнь, и тех, кто на танках, и тех, кто во рвах, купил Победу своей кровью, что бы там ни говорил сопляк-«автоматчик».

Йошуа РОЗЕНЦВЕЙГ,
раввин г. Твери.

НАША БОЛЬ, НАША СЛАВА, НАША ГОРДОСТЬ

Миф о якобы не воевавших евреях возник со слов Сталина – «евреи неполноценные солдаты, плохие солдаты» – и был продолжен ближайшим окружением вожда.

После окончания войны расхожее выражение «евреи воевали в Ташкенте» отражало отношение государства и немалой части населения к этому вопросу.

Но сухие цифры официальной статистики свидетельствуют об обратном. В сражениях и в плену погибло 250000 евреев, 131 воину еврейского происхождения присвоено звание Героя Советского Союза. Сюда не вошли воины, рожденные от смешанных браков.

В процентном отношении с учетом численности других национальностей, Героям Советского Союза – евреям принадлежит третье место. 11 евреев повторило подвиг Николая Гастелло, все они погибли. 4 еврея повторили подвиг Александра Матросова. 12 евреев были награждены орденами Славы третьей степени, которых удостоивались храбрейшие и достойнейшие из солдат.

Геройски командовали подводными лодками Верховский, Гольденберг, Финасович. В боевых действиях на флоте участвовало 219 евреев – генералов и адмиралов.

Список этот можно продолжать бесконечно. Это – наша боль, наша слава, наша гордость.

Л. ГРИГОРЬЕВА.

Отчетно-выборное собрание общины

26 апреля прошло отчетно-выборное собрание в нашей общине. Собрание заслушало отчетный доклад председателя совета И. Эльгардта о работе, проделанной в общине за 3 прошедших года. Какими же емкими оказались эти годы, как много было сделано!

Завершена реконструкция Синагоги и состоялось ее официальное открытие. Состоялось внесение Торы в Синагогу. Оба этих события привлекли внимание самых широких кругов общественности. К нам приезжали гости из Москвы, главный раввин России А. Шаевич, представители еврейских общин из других городов России, представители Администрации Тверской области и представители общественности г. Твери, наши друзья и спонсоры. Закончено строительство миквы. Она принята равви-

ном. За это время община дважды выигрывала грант Администрации Тверской области. Начато и успешно продвигается создание Музея памяти нашей общины.

Собрание заслушало акт контрольно-ревизионной комиссии. Работа совета единогласно признана удовлетворительной. Затем выступили члены совета. На собрании был избран новый состав совета общины. Председателем совета снова избран И. Эльгардт. В новый состав совета также вошли: С. Эльгарт, В. Спивак, И. Эдельштейн, В. Голубева, Б. Грушко, Д. Блицман, М. Флейс, А. Эдельштейн.

Принято решение о внесении уточнений в редакцию Устава.

Остается пожелать плодотворной и творческой работы новому составу совета общины.

ДОРОГАМИ ВОЙНЫ

Я, полковник Май Даниэль Фадеевич, родился в 1925 году в семье военнослужащего. За несколько месяцев до начала войны отца перевели в Москву. Отец в первые дни ушел на фронт. Я был свидетелем первой бомбежки Москвы 22 июля 1941 года. После налеты были каждую ночь, так что проходились ночевать либо в метро «Арбатская», либо в убежище «Дома журналистов» на Никитском бульваре. Во время бомбежек я дежурил на чердаке, где мы тушили зажигательные бомбы. Мама ждала ребенка, ей было особенно тяжело. Я работал на заводе.

С началом бомбежек началась эвакуация из Москвы, нас привезли в Татарскую Республику, деревню Атамыш. Здесь родилась наша сестра.

Осенью 1941 года мы, молодые ребята деревни Атамыш, обратились в военкомат, чтобы нас призвали в армию, хотели пойти на фронт. Нам отказали, мотивируя тем, что мы еще молоды. В первых числах января 1943 года меня призвали в армию и зачислили в пехотное училище города Казани. Я был определен в минометчики. Мы должны были закончить училище в середине 1943 года, но не удалось. В лагере нас подняли по тревоге, привезли в Казань, поменяли курсантские погоны на солдатские и отправили на фронт. Готовилась Курско-Орловская битва, нужно было пополнение. Перед началом битвы мы, молодые солдаты, приняли клятву гвардейца. Я до сих пор ношу гвардейский значок, который мне вручили летом 1943 года, и горжусь этим.

5 июля 1943 года мы открыли огонь по переднему краю немцев, до 12 июля немцы пытались прорвать нашу оборону, но мы устояли. Я как наводчик пушки принимал участие в этих боях. 12 июля наши войска перешли в наступление и погнали фашистов на Запад. Такая пушка сейчас стоит у суворовского училища. Проезжая мимо, я всегда вспоминаю свою боевую молодость.

В наступлении сильные бои развернулись под Карачевым (Брянский фронт). Наша артиллерия стояла на прямой наводке, мы отбивали контратаку фашистов с танками. Нам потом говорили, что это была дивизия «Мертвая голова». Но эту атаку отбили и пошли в наступление. После освобождения г. Брянска наша часть была переведена на Калининский фронт. Мы совершили марш пешком вдоль фронтов 500 км за 7 ночей. Затем наш дивизион погрузили в железнодорожный эшелон. При подходе эшелона к г. Ржеву на нас налетели два немецких самолета. Так как наш эшелон не имел никакого прикрытия, пришлось нести охрану и отбиваться от самолетов нам, солдатам, которые стояли на посту на платформе, где находились наши пушки. Я сбил первый самолет из карабина, а второй самолет продолжал обстреливать наш эшелон. Немец сбросил бомбу на мою платформу, меня ранило в обе ноги. Поезд остановили, солдаты высочили из вагонов и начали стрелять по самолету. Меня, раненого, отправили на машине в Калинин, где я пролечился в госпитале до начала ноября 1943 года. Затем меня как тяжело раненого отправили в Кинешму Ивановской области, где я лечился до конца февраля 1944 года. После выздоровления снова отправили на фронт. Затем артиллеристов, имеющих, кое-какое образование (у меня 8 классов) направили учиться в артиллерийское училище в г. Томск, где находилось Днепропетровское Краснознаменное артиллерийское училище, которое я закончил в январе 1945 года. По окончании мне присвоили воинское звание младший лейтенант и направили на 2-й Украинский фронт.

День Победы я встретил в Чехословакии. 5 мая 1945 года в Праге началось восстание местных жителей против фашистов. Немцы как могли старались подавить сопротивление. Восставшие обратились к совет-

Д. Ф. Май

ским воинам. Нам было приказано идти на Прагу. Пушки прицепили к танкам, расчеты расположились на них. 8 мая после обеда мы двинулись. Всю ночь шли и утром подошли к столице. Фашисты, узнав о нашем приближении, ушли из города. Боев не было.

Когда мы вошли в Прагу, все население высыпало встречать освободителей. Это был праздник для горожан. Мы вынуждены были остановиться, так как двигаться было невозможно. Люди обнимали нас, целовали, выносили угощение.

После войны 30 лет служил в армии, уволился в звании полковника.

Д. МАЙ.

С ПЕРВОГО ДНЯ

Мое участие в Великой Отечественной войне началось с первого дня – 22 июня 1941 г. Был я тогда молодым лейтенантом, командиром пулеметного взвода стрелкового полка, который действовал на самой границе, на берегу реки Сан в районе Перемышля (Западная Украина). Полк удерживал свои позиции несколько суток и начал отход по приказу тогда, когда немецко-фашистские войска севернее нас прорвались к районам Львова и Тернополя. Отходили исключительно напряженными боями. Не могу припомнить, когда и чем питались, когда спали и когда прекращались бомбежки, обстрелы и рукопашные схватки.

15 июля в районе станции Пятихатка меня ранило, и я был эвакуирован в город Мариуполь, где лечился около месяца.

После выздоровления служил в одной из вновь сформированных дивизий, оборонявших Ростов. Здесь впервые участвовал в наступательных действиях по освобождению города. Ростов-на-Дону был одним из первых крупных городов, отбитых у противника в 1941 году.

После была учеба в Военной академии им. М.В.Фрунзе. По окончании ускоренного курса в 1942 году получил назначение на-

чальником оперативного отделения штаба вновь создаваемой 21-й лыжной бригады (два батальона моряков Тихоокеанского флота и батальон якутских снайперов). В ее составе участвовал в тяжелых боях на севере Калининской области и под Старой Руссой.

Весной 1943 года лыжная бригада была расформирована, и меня назначили в оперативный отдел штаба 1-й Ударной армии, которая воевала на Северо-Западном и третьем Прибалтийском фронтах до конца войны.

Войну я закончил майором, заместителем начальника оперативного отдела штаба армии. В этой должности участвовал в планировании и организации десятков операций и сражений. Особо запомнилась разработка «Плана ограничения огневой деятельности в Пушкиногорье». Нам помогали специально прибывшие из Москвы писатель А.Н.Толстой и профессор пушкиновед Д.Д.Благой.

8 мая 1945 года вылетел в штаб немецкой группировки в Курляндию для передачи указаний нашего командования о порядке капитуляции соединений немецких войск и сил морского флота.

За участие в Великой Отечественной войне награжден пятью

боевыми орденами, двумя медалями «За боевые заслуги» и другими медалями.

После войны окончил полный курс Военной академии им.М.В.Фрунзе. 10 лет служил в Управлении Забайкальского военного округа. Последняя военная должность – заместитель начальника войск ПВО округа.

С 1958 года – 30 лет – на научно-педагогической работе в Военно-командной академии ПВО (Тверь). В академии ПВО защитил кандидатскую диссертацию, а в Военной академии Генерального штаба – докторскую. Обе диссертации были посвящены разработ-

ке проблем повышения научного уровня управления.

С 1988 года тружусь в ТвГУ, веду курсы науковедения и методологии научных исследований, психологии интеллекта.

Удостоен званий: «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», академик международных академий психологических и педагогических наук, «Почетный профессор» военной академии воздушно-космической обороны и ТвГУ, член-корреспондент Академии военных наук.

Х. ЛЕЙБОВИЧ, полковник в отставке.

В годы войны

Х. Лейбович

ВОЙНА – ЭТО ТЯЖЕЛАЯ РАБОТА

Перед самой войной, в июне 1941 года, я был зачислен курсантом Ленинградского военного училища инструментальной разведки. Наша подготовка началась в Красном селе под Ленинградом. Здесь же я и познакомился напрямую с войной, так как наше училище участвовало в отражении налетов авиации на город и захвате летчиков подбитых самолетов.

Чтобы задержать немцев, прорвавших нашу оборону на южном направлении и считавших, что судьба Ленинграда уже решена, были брошены курсанты двух военных училищ: нашего и Ленинградского пехотного училища им. Кирова. Кировцы, более подготовленные и вооруженные лучше нас, раньше добрались до места действий и первыми приняли удар на себя. Мы же – необученные, имевшие одну винтовку на 2–3 человек, должны были противостоять немцам своими телами.

Враг был остановлен, и нас сразу же отправили в Томск для продолжения учебы. Через несколько месяцев, окончив ускоренный курс, я добился, чтобы меня отправили на Ленинградский фронт.

Это был мой второй приезд в город Ленина за время войны. Я его совершенно не узнал. К тому времени Ленинград составлял основную часть всего фронта. Как-то утром, выйдя из землянки, я глянул в сторону города. Стояла сплошная тишина, и хотя еще было очень холодно, я ни из

одной трубы не увидел дыма. Было впечатление, что город вымер.

8 сентября 1941 года, через 15–20 дней после эвакуации нашего училища из Ленинграда, замкнулось кольцо блокады. Так как в первые дни войны были уничтожены основные стратегические продовольственные склады, город был обречен на ужасный голод. Но Ленинград не сдавался, несмотря на то, что его зверски бомбили и днем, и ночью.

Мне было 18 лет, когда я прибыл на Ленинградский фронт. В мои обязанности входило содержать в исправном состоянии 20 артиллерийских орудий, пять сложных приборов управления огнем, счетверенные пулеметные установки и около 500 средств стрелкового оружия. И это в условиях ужасного дефицита запчастей, непрерывных бомбежек и артобстрелов. Транспорта не было, и мне много раз приходилось совершать марш-броски с одной батареи на другую, чтобы срочно проводить ремонтные работы и возвращать в строй орудия.

Все, кто воевал, знают, что на войне никто не застрахован от смерти. Находясь в поле, можно привыкнуть к бомбежкам и артобстрелу. Но те, кто находился во время налетов противника в городе, к этому привыкнуть не могли.

Фашисты прибегали к самым варварским методам: бросали с самолетов бочки и даже телеги, которые в полете создавали такой ужасный визг и гул, что невозможно

было выдержать. Было время, когда они с 12-ти до 2-х часов ночи летали над Ленинградом на очень большой высоте, держа в напряжении большинство частей ПВО.

Самый страшный момент я пережил в августе 1942 года, когда был вызван на одну из батарей, где требовался ремонт орудия. Быстро устранив неисправность, я уже собрался возвращаться, но командир батареи попросил у командира дивизиона, чтобы я остался на батарее, т.к. стало известно, что ожидается массированный воздушный налет на Ленинград с Пулковских высот. Действительно, вскоре появилась большая группа самолетов противника. Батарея открыла огонь. Два самолета противника отделились от группы и начали пикировать на батарею. Один самолет был сразу же сбит, но другой выпустил по батарее несколько пулеметных очередей и с малого расстояния сбросил бомбу. Я услышал только звук падающей бомбы, и двух орудий как не бывало. Трупы, кровь, искореженная техника. Мне тоже досталось: немного контузило и сильно ударило чем-то по ногам. Погибло много людей. Что поделаешь, на войне как на войне.

Да, война для нас была повседневной жизнью и работой, на ней мы играли в открытую со смертью, не зная, кого она выберет.

В 1943 году я был направлен на Дальний Восток, куда стягивалась техника, которую

надо было ремонтировать и готовить к войне с Японией.

После войны с Японией я закончил военную академию им. Ф.Э.Дзержинского и, прослужив в армии 38 лет, демобилизовался и продолжал работать в оборонной промышленности. С этой работой я не расстаюсь и сегодня, имея общий трудовой стаж 65 лет, за что награжден Президентом России орденом Почета.

Я хочу поздравить всех ветеранов войны с Днем нашей Великой Победы. Живите как можно дольше. Ведь без нас опустеет земля, а мы еще должны оказать помощь нашим детям и внукам, закрепить на века нашу Победу.

П. ШЛАЕН,
полковник в отставке,
доктор технических наук,
заслуженный деятель
науки РФ.

В. Голубев

ДЕДУШКЕ

*Дедушка, ты сегодня седой.
Но знаю, ты был когда-то
Подтянутый, стройный и молодой,
И даже немного усатый.*

*Таким сегодня я вижу тебя
На старом военном фото.
Четыре года себя не щадя,
Ты прошагал с пехотой.*

*Нелегким был твой военный путь,
Вперед ты шагал упрямо.
Знал, что тебя на Урале ждут
Бабушка Люба и мама.*

*Прошло сорок лет. Не забыта война,
Где ты воевал как надо.
Дедушка милый! Надень ордена
И все боевые награды!*

*Душевно и нежно, всем сердцем любя,
(Сегодня – 9 мая),
Мы все горячо поздравляем тебя,
Здоровья и счастья желаем.*

*За то, что ты дожил до этого дня,
За мирное небо над нами
Большое спасибо тебе от меня,
От Тани, от папы и мамы.*

9 мая 1985 г.

...Вера еще не пропала

В силу природной скромности этот человек долго не соглашался на интервью. И тем сильнее было мое желание добиться своей цели. Почему был выбран именно он? Зная этого человека, я был уверен, что нашим читателям будет небезынтересно узнать его судьбу, точку зрения на некоторые сегодняшние злободневные темы. У моего собеседника накоплен уникальный профессиональный опыт, а его жизненному опыту остается лишь позавидовать. Знакомьтесь: доцент кафедры немецкой филологии, кандидат филологических наук Юзеф Львович ЛЕВИТОВ.

– Откуда вы родом?

– Отец и мать – с Украины. В 1932 году, когда там свирепствовал голод, вся семья перебралась в нынешнюю Тверь. Мать была простой домохозяйкой, отец – служащим. Вскоре после переезда умирает отец, и маме, имеющей лишь начальное образование, пришлось одной воспитывать двух детей – меня и старшую сестру Гиту. Сестра после окончания зубоветеринарной школы работала стоматологом в Кулицком Мхе, затем по той же специальности на ткацкой фабрике в Калининне.

– Юзеф Львович, как долго вы работаете на кафедре немецкой филологии?

– В 1950 году я стал ассистентом этой кафедры, так что мой непрерывный трудовой стаж достаточно велик – почти шестьдесят лет. За это время я занимал должности заведующего кафедрой немецкой филологии, заведующего кафедрой иностранных языков прикладных факультетов, декана вечернего факультета, помощника декана факультета романо-германской филологии (ныне факультет иностранных языков и международной коммуникации). Сейчас занимаюсь преподавательской деятельностью.

– Во время войны вы, Юрий Львович, были командиром стрелкового взвода, получили ранение, награждены боевыми орденами. Тем интереснее мне узнать мнение человека, знающего цену жизни, о «войне» сегодняшней. Имеются в виду недавние события, когда Грузия напала на маленькую Осетию...

– В недавней болевой точке Российской Федерации – Чечне – сегодня вроде бы спокойно, хотя там до сих пор несут службу наши тверские бойцы. Что касается Грузии... На мой взгляд, несмотря на то, что, опять же, сейчас более-менее спокойная ситуация и весь мир убедился, что является подлинным агрессором, забывать ничего нельзя... Меры должны приниматься самые жесткие. Люди, которые занимались похищениями, издевательствами над пленными, убивали мирных жителей, детей, заслуживают самых суровых мер наказания, вплоть до смер-

ной казни. Мораторий на смертную казнь по отношению к людям, чьи руки по локоть в крови, неуместен.

– Какие события больше всего запомнились в жизни?

– Когда за спиной более 80 лет жизни, то количество этих событий довольно велико. Я до мельчайших деталей помню 15 октября 1941 года, когда мы с матерью уходили из горящего Калининна. Шоссе за Эммаусом, где нашу небольшую группу беженцев обстреливали из пулеметов немецкие самолеты, помню ночное небо над Москвой 17 ноября 1941 года, в один из самых больших налетов на город; помню военное училище, присвоение офицерского звания, мой стрелковый взвод, ранение, госпиталь. Я горжусь, что попал тогда в знаменитую Панфиловскую дивизию. Судьба, как справедливо отметил писатель Симонов, в среднем отводила командиру стрелкового взвода 2 дня жизни. Я – выжил. Помню свою первую атаку, по сигналу ракеты все бросились вперед. Услышав вой приближающегося снаряда, я упал в воронку и почувствовал что-то мягкое. Когда рассеялся дым, я увидел, что это немец, и потянулся за автоматом. Но гитлеровец только улыбнулся и расстегнул китель – весь его живот был прошит автоматной очередью, он находился уже по ту сторону жизни и смерти, добра и зла. Запомнилось, как подорвали сопровождавший нашу пехоту танк. Последний выбравшийся из башни солдат был живым факелом...

Впрочем, и в послевоенной жизни есть что вспомнить. Например, рождение моего правнука Егора!

– Как вы встретились со своей женой?

– Необычного ничего нет. Когда я учился на втором курсе, к нам перевелась студентка, звали ее Валя Старшинова. Это была моя будущая жена. Через два года после окончания института мы поженились и живем вместе до сих пор. Жена уже на пенсии, раньше работала директором одной из калининских школ. Моя главная привязанность сегодня – это семья и работа.

– Посещает ли вас чувство вины или стыда за что-то давнее?

– По большому счету нет, никогда не делал людям подлости. Возможно, когда-то я причинил кому-либо некоторое неудобство, но не более того. «Eggaie humanum est» – человеку свойственно ошибаться, а ничто человеческое мне не чуждо.

– Чем увлекаетесь помимо работы?

– В свободное время очень люблю читать, занимаюсь этим с раннего детства, и это мне не наскучило. Нет дня, когда бы я не держал в руках книгу. Мои любимые писатели – Ремарк, Чехов, Франк, Борхерд. Когда был помоложе (смеется), любил играть в бадминтон. (В сентябре Юзефу Львовичу исполнится 84 года. – Авт.) Сейчас очень люблю прогулки на природе, хоть это получается и нечасто. Если это можно назвать увлечением, то я также для себя занимаюсь политической аналитикой, посещаю нашу синагогу, общаюсь с друзьями...

– Какие фильмы вы предпочитаете смотреть?

– Очень люблю хорошие исторические ленты, не важно, чьего производства. На дух, что называется, не переношу боевики и прочее, содержащее реки крови и насилия. Впрочем, наверное, как и большинство пожилых людей. Считаю, главное, чтобы кино было качественным, не «чернушным». Обожаю старое кино, конечно, фронтовые фильмы.

– Верите ли в судьбу?

– Да, однако она предопределяется всей жизнью человека – его поступками, отношением к окружающим людям, особенно к своим родным. Глубоко в этом убежден и готов спорить с кем угодно.

– Вы оптимист?

– Я «осторожный» оптимист, имею честь принадлежать к среднему классу, костяк которого образуют врачи, педагоги, офицеры и инженеры. Политика современных реформ не улучшила материальное положение среднего класса, а многие слои населения вообще привела к черте бедности. Но я не могу не верить в здоровые силы нашего общества, которые вместе с правительством избавят народ от издержек дикой приватизации и поведут страну к процветанию.

Лев КИРИЛЛОВ.

О войне в тишине

Когда ветераны Великой Отечественной вспоминают былую войну, то говорят и о боях, в которых полегло немало их соотечественников, и о минутах затишья, таких редких тогда, и о незабываемых встречах, для многих ставших главными в жизни, встречах с любимыми.

Евгения Лихова и Рахиль Фертман встретили своих мужей на войне, обе были на фронте. Евгения – метеорологом авиационка, а Рахиль – операционным хирургом полевого госпиталя. Суженый метеоролога Евгения был военным летчиком, а Рахили – врачом. Соединила их война. Теперь они обе вдовушки. Увы, мужчины раньше покидают этот мир, особенно фронтовики.

Но в тишине квартир моих героинь будто по-прежнему бьются сердца их избранников. На главных фотографиях – портреты их мужей.

Р. Фертман

Рахиль Рафаиловна даже сказала так: «Его душа не покинула нашего дома, она по-прежнему здесь, всегда с мной», – и продолжила свой рассказ о войне:

– Все мы рвались на фронт, все мы считали, что обязаны отстоять свою Родину, и не думали, что может быть иначе. Таким образом мы верили в победу.

– Ваш первый день войны – где это было?

– В деревне Холопозово Орловской области в 73-й стрелковой дивизии. Нас было восемь девочек. Из восьмерых осталось только двое. Были мы хирургами в медсанбате. Каждая дивизия имела свой медсанбат, который оказывал первую медицинскую помощь, и даже оперировали. Делали и серьезные операции, если к этому были жизненные показания и мы видели, что человека куда не доездит. Главным хирургом операционно-перевязочного взвода 73-й стрелковой дивизии 168-й отдельного медико-санитарного батальона была Фара Львовна, а я – хирургом-ординатором. Это был самый передовой отряд, который оказывал высококвалифицированную помощь. А до него – полковые медпункты, где делали перевязки, накладывали временную шину и привозили к нам. Мы делали остальное, что было возможно в наших условиях, а потом отправляли в госпитали, которые находились дальше от фронта. Мне очень повезло. Со мной работала фельдшер Валя, которая до войны была операционной сестрой в клинике Склифосовского. Первое время, если я терялась, она сама подавала мне те инструменты, которые мне были необходимы для проведения операции. Она мне очень помогла.

– Медсанбаты разбивались в избах или палатках?

– Совершенно верно. Жили иногда в домах, работали в палатках. Когда приезжали на место, сначала ставили печку, на нее инструменты. Инструменты кипят, над всем этим натягивается палатка. Когда палатка натянута, столы расставлены, все готово для оказания оперативной медицинской помощи, а у нас уже имелись прокипяченные готовые инструменты. Чтобы не попадала пыль на операционный стол, где лежали инструменты, над ним на-

тыгивали простыни. Если мы оперировали, то над нами тоже были простыни, чтобы в раны не попадала инфекция. Мы очень много бойцов возвращали в строй. Были такие времена, когда лежали раненые и мы проходили мимо, они буквально хватили нас за ноги, их было очень много, а всем сразу не поможешь. Тех, кто молчал, брали быстрее, потому что это были самые тяжелые. Они уже не чувствовали боли, так как были в шоковом состоянии и им было трудно ждать. И мы понимали: если молчит, значит ему очень плохо.

– А как же вы, молодые, не приходили в шок от этого ужаса, от этой невероятной боли?

– Мы обязаны были держаться, чтобы быстро оказывать помощь, чтобы спасти как можно больше людей. Помню раненого мальчика, которому было 18 лет, а мне – 21 год, и я бегала от одного врача к другому и кричала: «Помогите ему! Я не в силах это сделать! Он умирает!» И он умер на моих глазах. Мои товарищи сказали: «А что мы можем сделать, если у него смертельное ранение?» Думала, что я еще неопытна и не могу ему помочь, а другие, старшие, смогут. Но никто, к сожалению, не мог при таких тяжелых ранениях. Еще был случай. В церкви расположилась наша операционная. Лежит раненый, у него нет опознавательных знаков, нет никаких документов. Спрашиваю фамилию, имя, отчество. Он мне все сказал, и тут же его не стало. Это были ужасные времена, но, к счастью, многим удавалось оказать помощь.

– Два с половиной года, где прошел ваш фронтовой путь?

– Брянский, Центральный, Белорусский фронты.

– А что потом?

– Мы встретились с мужем на фронте. Я забеременела и вынуждена была уехать. В 1944 году родила дочку. С мужем прожили почти 54 года без полутора месяца. Это была настоящая любовь. Он мне до конца жизни говорил: «Ты не представляешь, как я тебя люблю!»

– Через всю свою жизнь пронесла Рахиль Рафаиловна огромную любовь к своему мужу. Такая же счастливая женская

судьба и у Евгении Львовны Лиховой, и мужа своего она тоже встретила на фронте. После окончания Московского училища связи, где получила профессию метеоролога, она была отправлена на фронт. Весть о начале войны застала Женечку в ее родном Киеве, по дороге домой с выпускного школьного вечера.

– В 4 часа утра, когда мы шли с выпускного вечера, начали бомбить Киев. Так мы узнали о начале войны. В городе стояло очень много войсковых частей. Мы подумали, что это учения, а оказалось – настоящая бомбежка. Потом мы пешком ушли из Киева в Харьков. Хотя Хрущев стоял на Крещатике на балконе и говорил: «Никуда не уходите! Не сдадим Украину!» Из Харькова мы эвакуировались в Куйбышев. Туда уже вместе с заводом эвакуировалась мама сестра. Там я поступила на завод. Работала токарем на больших станках. Несколько раз ходила в Куйбышевский райком комсомола и просилась в армию.

– Это вы сделали втихаря от мамы?

– Конечно. Секретарь Володя Качанов дважды отправлял меня: «Да ты на себя посмотри, какой из тебя солдат в 18 лет!». Потом мы с подружкой поступили в Московское военное училище связи, на отделение метеорологии, куда брали одних женщин. Это было в 1942 году. За год научили нас погоду предсказывать. Вначале училище находилось в Сызрани, потом его вернули в Москву. Заканчивала учебу я в Москве. А в январе я ушла на фронт. Вначале освобождали Минск, Бобруйск, а потом летом перешли на второй Украинский фронт. И так пошли по Украине до Берлина и до Праги. Там был аэродром, с которого самолеты летали на Берлин. Перед каждым полетом мы давали летчику прогноз погоды. В полетном листе обязательно должна быть сводка: ветер такой-то, температура такая-то, направление ветра такое-то, облачность. Все нормально – лети. Если что случилось – метеоролог виноват, не ту погоду предсказал. Подлетели, а там облака или еще что-то. В Бреслау меня контузило. В медсанбате подлечили. Правда, осталась хромота и постоянно болела голова.

– Вы были метеорологом, и на самом деле от вас так мно-

Е. Лихова

гое зависело. Или это летчики все-таки шутили?

– Конечно, иногда шутили. Но, тем не менее, погода была очень важна. Если сейчас открыта вся карта мира, и то метеорологи ошибаются, а у нас была карта только по линии фронта, остальных же данных у нас не было. Я была старшим метеорологом. С двумя радистами работала по суткам. Мы первыми узнали, что 8 мая подписан акт о капитуляции. Радист принимал кольцевую (это состояние погоды), которую передавали каждые два часа, и вдруг не азбукой Морзе, открытым текстом, голосом: «Германия капитулировала!».

– Удалось дойти до самого Берлина?

– А как же. Были в Берлине. После отправили в Чехословакию, там продолжались бои до середины мая. Полк стоял в Бреслау. Мы там с мужем поженились.

– Вы и ему предсказывали погоду?

– Когда мы обслуживали его полк, он был моим начальником. Потом разъехались в разные места и были друг от друга в трехстах километрах. А после войны он меня нашел и перевел к себе в полк стрелком-радистом.

– Женщина и война, женщина и фронт. Как это?

– Это очень тяжело.

– В кино-то все как было – все такие хорошенькие, в ладных гимнастёрочках...

– Гимнастерка – мужская, залатанная на животе. Никто не готовил женского обмундирования. Это уже в конце войны нам дали серые сатиновые юбки и хлопчатобумажные гимнастерки, которые мы, конечно, как могли украшали ... Сапоги с широкими голенищами, с портянками, и, простите, отрезанные кальсоны. А девчонки все хорошенькие.

Евгения Львовна Лихова и Рахиль Рафаиловна Фертман, ветераны минувшей войны, прожили долгие и в общем-то счастливые жизни. Выросли их дети и внуки. На той войне они встретили свою любовь и пронесли ее сквозь огневые и непростые мирные годы. И сейчас, когда не стало их любимых мужей, сердца этих женщин также согреты непреходящим и светлым огнем любви и памяти.

В. МИНИНА.

День Победы – в Берлине

И. Ю. Комиссарчик

Вскоре после окончания 10-класса и весело проведенного выпускного вечера узнали, что гитлеровская Германия напала на нашу Родину. Так как мы жили недалеко от границы с Польшей в небольшом городке Калинковичи в Белоруссии, то отголоски войны дошли до нас очень скоро. Сброшенный воздушный десант мы приняли

за немецкий (говорили, что их сбрасывают для конспирации в нашей форме), но это оказались наши десантники. Сколько это вызвало волнений и переживаний. Нас как отряд самообороны вывозили в лес на их поимку.

Но вот началась эвакуация. Мама, я и брат в товарных вагонах были отправлены в г. Акмолинск. Отца с нами не было, он в 1937 году был репрессирован как враг народа. В Акмолинске я поступил на работу учеником токаря на завод, изготавливающий снаряды.

В октябре 1942 года меня призвали на военную службу. Я попал в эвакуированную военно-воздушную школу механиков, которую закончил в октябре 1943 г., и получил направление под Новосибирск в 20-й запасной авиационный полк, где служил авиационным механиком.

В это время произошло радостное событие: я узнал, что совсем недалеко, в Новосибирске, в лагере, находился мой отец, где мне и удалось с ним встретиться. Это было незабываемо.

Получив необходимые навыки по подготовке самолетов-истребителей к боевым действиям, я был направлен на фронт в 812-й Севастопольский Краснознаменный авиационный полк. С этим полком в должности авиамеханика я прошел с боями Белоруссию, Польшу и дошел до Берлина. День Победы мы встретили в Берлине.

Здесь, на фронтовых дорогах, я встретился с моим другом детства Владимиром Шендеровичем. Какая это была радость!

После войны служил в Германии в 812-м ИАП в должности авиационного механика. В 1949 году поступил в Киевское военно-авиационное училище, которое закончил в звании младшего лейтенанта, и был направлен инструктором практического обучения в Вольское авиационное училище.

В дальнейшем моя служба проходила на различных должностях и в разных городах нашей страны. Закончил службу в 1975 году в звании майора технической службы с получением военной пенсии и правом ношения военной формы.

После окончания службы около 23 лет работал в школе № 27 в должностях военного руководителя школы, преподавателя по труду и ОБЖ.

За участие в боевых действиях был награжден правительственными наградами: орденом Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За Победу над Германией» и другими.

И. КОМИССАРЧИК.

СЁСТРЫ

Сарра и Роза в 1939 г.

ка-интенданта была направлена на Сталинградский фронт переводчиком в седьмое отделение политотдела 8-й гвардейской армии.

После разгрома фашистов под Сталинградом, в конце 1943 г., ее отправляют в Москву для получения нового назначения. В пути Сарра заразилась тяжелой формой желтухи. После госпиталя была демобилизована и уехала в Куйбышев, где в эвакуации находилась мама. Там у нее родился первый сын.

К началу войны Роза уже заведовала аптекой в селе Спирово Кимрского района. Здесь и проработала практически всю войну. Она была военнообязанной в звании младшего лейтенанта. Но из-за брони на фронт призвана не была. В 1944 г. Розу переводят в Кимры заместителем заведующего аптекой.

В соседнем со мной доме живут две замечательные женщины. Две сестры – Роза Яковлевна и Сарра Яковлевна Абарбанель.

Они родились в небольшом местечке в Белоруссии. Их было 4 сестры и один старший брат. По настоянию брата Роза в 1934 г. уехала в Ленинград на учебу в фармацевтическом техникуме. Сарру брат забрал к себе в Москву, где она окончила школу и в 1940 г. поступила в педагогический институт на факультет иностранных языков.

Началась война. Факультет, где училась Сарра, был преобразован в военный факультет иностранных языков. Студентов привели к присяге. Сначала отправили на оборонительные работы под Москвой, а 16 октября всех погрузили на машины и провезли по военной Москве на Речной вокзал. Улица Горького, студенческое общежитие, Елисеевский магазин. Все было по-военному суровым, так не похоже на ту Москву, которую Сарра любила и помнила до войны. Ребят посадили на пароход и отправили в Тольятти для прохождения военной подготовки. В начале 1942 г. Сарра в звании техни-

В 1948 г. Сарра переезжает к Розе. У Сарры родился второй сын. С той поры сестры больше никогда не разлучались. Работали, растили сарринных сыновей. Не зря же сегодня и дети, и внуки Сарры зовут Розу второй мамой и бабушкой. В 1951 г. сестры переезжают в Рамешки, а с 1960 г. живут в Калининне. За плечами у обеих большой трудовой путь. Роза все годы проработала в системе здравоохранения. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», ветеран войны и ветеран труда, отличник здравоохранения. Сарра награждена орденом Отечественной войны. Имеет несколько медалей. Долгие годы проработала в «Союзпечати». Ветеран труда.

В прошлом году отметили 90-летие Розы Яковлевны. Сарре Яковлевне идет 87-й год.

А дети выросли. Выросли и внуки. Сейчас уже подрастают правнуки.

В. ГОЛУБЕВА.

Сарра и Роза

ЭТО СТРАШНОЕ СЛОВО « ГЕТТО »

Я, Теплицкая Мариам, 1933 года рождения, до войны проживала с родителями в г. Жмеринка Винницкой области на Украине. В феврале 1941 года у меня появился братик Яшенька.

В первые дни войны начались страшные бомбежки жмеринской железной дороги, так как это была узловая станция на юго-западе. С этих дней и начались мои страхи.

В августе папу мобилизовали в армию, и он перед уходом на фронт отправил нас, маму, меня с братиком и маминих родителей, в эвакуацию, а сам ушел воевать, думая, что мы будем в безопасности. Но уже под утро, в 40 километрах от Жмеринки, после очередного налета железнодорожные пути были разбиты и нам объявили, что поезд дальше не пойдет, рекомендовали вернуться в Жмеринку.

И вот мама (ей тогда было 28 лет) с грудным ребенком на руках, со мной за ручку, с больными родителями пешком возвращается домой. А в сентябре в город вошли немцы. И тогда все началось. «Новый порядок», о чем твердили все, начал действовать с первых дней оккупации.

Уже с 15 сентября всем евреям города было приказано перебраться на три улицы, огражденные колючей проволокой, по 3–4 семьи в квартиру. В первые же дни был повешен человек, пытавшийся выйти из гетто. Здесь были бесконечные облавы в домах, грабили имущество, ценности, проверяли на вшивость, избивали, если было какое-то сопротивление. Стали гонять людей на работу на железную дорогу, в казармы, в конюшни, откуда люди возвращались голодные, избитые, изможденные. А

извне приходили известия о еврейских погромах в Киеве, Виннице, в близких местечках. Что оставалось ждать нашему гетто? Наши украинские друзья под покровом ночи и под страхом смерти приносили продукты (горох, морковь, свеклу) и передавали через колючую проволоку для нас, детей. Как ни странно, мама кормила грудью братика до двух лет. У него уже были зубы, а все сосал грудь. И откуда только было молоко у мамы?

В 1942 году в Жмеринке стали хозяйничать румыны, а железная дорога оставалась у немцев. Все диверсии на железной дороге приписывали евреям и грозили «акцией». Но румыны как-то отстаивали право гетто на существование, так как волей судьбы к нам попали евреи из Бухареста. Среди них были адвокаты, артисты, педагоги. Они нашли общий язык с румынскими властями, благодаря чему гетто как-то стали снабжать продуктами (мука, крупа, жиры), хотя угроза смерти была постоянно.

В гетто находилось более двух тысяч человек. Подпольно существовала синагога. Я помню, как молились бабушка и дедушка, как он надевал талес и трюфлин. Подпольной была больница для больных и раненых, даже работала школа для детей до 16 лет. Все это было под страхом немецких облав, которые постоянно случались в гетто. Летом 1943 года наше гетто должны были отправить в Освенцим. Всех собрали на площади, составили списки по возрастам. Румынские власти знали об этом. Долго шли их переговоры с немцами. А мы почти весь день простояли под палящим солнцем, без еды и питья. Как-то за золото, ко-

М. Теплицкая

торое срочно собрали в гетто, румынам удалось на тот раз договориться и отстоять нас. Это судьба! Так мы прожили до марта 1944 года, когда Красная Армия освободила Жмеринку. Бомбежки после освобождения продолжались, и многие, кто выжил в гетто, погибли от налетов. Город был в руинах.

Мы выжили чудом в этом океане злодеяний, погромов, акций, налетов, и наших, и немецких. Так распорядился наш Всевышний, спасибо ему.

Папа вернулся с войны в 1946 году. Мой братик Яшенька живет в Израиле. Ему 68 лет, а мне – 75. Родителей давно уже нет. В силу своего возраста (мне было 8–10 лет) я тогда не могла оценить весь ужас нашего положения, постоянную угрозу смерти, но могу сейчас понять, что пережили моя мама, ее родители и все узники нашего гетто.

М. ТЕПЛИЦКАЯ.

БУДЕМ ПОМНИТЬ, ПОКА ЖИВЫ

Помню ясный солнечный день 22 июня 1941 года. Мы жили на Украине. В семье нас было четверо детей 12, 6, 4 и 2 лет. Мы все играли возле дома в песке. Вдруг я увидела нашу заплаканную маму. Она подошла к нам и почему-то обращаясь ко мне, сказала: « Дочечка, началась война!» И сейчас я помню то чувство страха, которое я, наверное, впервые по-настоящему испытала в свои 6 лет.

Папа, уходя на фронт, настоял на нашей эвакуации на Урал, в Свердловскую область. Хотя у нас там никого не было – просто подальше от немцев.

И вот мы едем в вагонах, в которых раньше перевозили скот. Вагон битком набит эвакуированными семьями с детьми. По дороге мы, все четверо детей, заболеваем корью. Нас срочно снимают с поезда на ближайшей железнодорожной станции и определяют в деревню на постой к такой же семье, как и мы. Мы со старшим братом выздорове-

ли, а двое маленьких умерли от послеколевых осложнений.

Весной 1942 года мы отправились поездом на Урал. Остановились мы в г. Нижнем Тагиле, пос. Вагонка, Свердловской области. Нас поселили в общежитии барачного типа. Мама поступила на работу фрезеровщицей на завод им. Коминтерна в цех №183. Это был переведенный сюда Харьковский тракторный завод (ХТЗ), переоборудованный для нужд фронта. Станок, на котором работала мама, был высоким, а она маленькая. Для нее сделали подставку со ступеньками. Свою новую профессию она освоила быстро. Она нам говорила: «Дети! Гордитесь тем, что ваша мама работает в тылу для нужд фронта на таком известном заводе!»

Люди работали по 12 часов в сутки без выходных. На иждивенца полагалось по 400 граммов хлеба по карточке ежедневно. Мы сильно голодали. Однажды мой брат пошел за хлебом в магазин,

а вернулся без хлеба и картошек, их у него отнял мальчик старшего возраста.

Папа нас разыскал по Службе поиска в 1943 году. Это была «радиостоя» со слезами на глазах».

Страшная жестокая война 1941–1945 годов отняла у нас маминого брата, которому было 38 лет. Люборов Рафаил Волкович (Владимирович) встретил войну в одной из войсковых частей Краснодарского края, где служил и жил с семьей – женой и дочерью 7 лет.

Совсем недавно я слушала по радио песню шансонье Владимира Гулько, в которой есть примерно такие слова: евреи дали России не только скрипачей, но и политруков (комиссаров). Мой дядя был одним из них, в звании майора. Он добровольно избрал профессию – защищать родину – и защищал ее до после-

Рафаил Люборов с шофером

днего дня своей жизни. Погиб 2 мая 1945 года в Польше. Похоронен вначале в деревне Липа, затем прах перенесен в город Радом. Его имя занесено во второе издание книги «Память».

Наша семья – одна из многих еврейских семей (и только ли еврейских), которой фашизм принес много горя. В годы войны не было мечты желаннее, чем мечта о мирной жизни. И, слава Богу, 9 мая мы отмечаем праздник Победы над Германией. Будем помнить об этом, пока живы, и внукам передадим эту святую память.

Е. ГАВРИНА.

А. Григорьева

ВЕТЕРАНАМ

*Уходили вы под марш «Славянки»,
Мальчики, прикрыли мир собой,
Грудью шли на вражеские танки,
С «мессершмиттами» бросались
в бой.*

*Соломоны, Лазари, Иосифы...
Мамы вам смотрели долго вслед.
Уходили мальчики, как взрослые,
Многие всего в семнадцать лет.*

*Шли танкисты, летчики,
разведчики,
Шли поэты, стих, сменив на штык,
Грудью защищать свое
Отечество,
Как народ наш с древности привык.*

*Холмики по всей земле разбросаны,
Русские березки встали в ряд.
Там лежат еврейские Матросовы.
И еврейские Гастелло спят.*

*Про графу не спрашивали птяую
Кровью истекающих в бою.
Вы считались русскими
солдатами
И спасали Родину свою.*

*Мы живем в другом сегодня
времени,
Только памяти не меркнет свет.
Храбрыми солдатами-евреями
В той войне оставлен яркий след.*

*Пусть кричат антисемиты
подлые,
Что евреи прятались в тылу...
Мужественно защищали Родину
Вы в эту проклятую войну.*

*Слава, гордость нашего народа.
Ордена – как отблеск тех побед.
Вас не старят прожитые годы.
Будьте рядом еще много лет.*

Уважаемые читатели газеты «Шатёр Рахели»!

Создание музея истории еврейской общины Тверской области – очень нелегкая задача, предназначенная для решения всеми нами.

Сегодня небольшая группа единомышленников поставила цель – собрать под одной крышей исторические документы, экспонаты, отражающие быт и традиции не только тверских евреев, но и всего еврейского народа.

Просим вас принять участие в сборе экспонатов, документов, старых фотографий, предметов культа и быта.

У НАС БУДЕТ МУЗЕЙ

Продолжается работа по созданию музея истории еврейской религиозной общины города Твери. Будущая музейная экспозиция разместится в одном из помещений старинного здания синагоги на улице Пушкинской в Твери. Планируется показать историю общины в рамках общей тверской истории с конца XIX века до настоящего времени. Это будет и официальная хроника тверской еврейской общины, проиллюстрированная документами и фотографиями, и рассказ о повседневных традициях еврейских будней и праздников.

Для создания любого музея в первую очередь нужны экспонаты – документы, старинные фотографии из семейных альбомов и самые разнообразные вещи, бывавшие в семьях в разные годы и десятилетия XIX–XXI веков. Частично такие предметы уже собраны, у нас уже есть книги, хранящиеся в домах членов общины. И все-таки их еще очень мало.

Обязательно найдет свое место в музейной экспозиции тема Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В витринах будут показаны фотографии членов еврейской общины – участников войны. Мы рассчитываем найти фотоматериал об Ильинском гетто и показать его в экспозиции.

Продолжается сбор материала о новой и новейшей истории тверской общины, ведь ее члены принимали и продолжают принимать активное участие в жизни города Твери. Должна «прозвучать» информация о И. А. Эльгарде, П. Кацнельсоне и других жителях нашего города. Мы надеемся, что удастся отразить деятельность главного режиссера Тверского

кукольного театра А. Ильвовского, ожидаются новые интересные экспонаты – театральные афиши и, может быть, театральные куклы.

Экспонатов пока еще явно недостаточно для создания полной и достоверной реконструкции хроники тверского еврейского общества с конца XIX века. В идеале хотелось бы, чтобы в музее были предметы, отражающие наиболее характерные моменты традиционной домашней семейной жизни членов общины. Есть идея создать в музее фрагменты интерьера кухни еврейского дома. Для этого нам нужны предметы, которые находились в таком жилище. Уже есть элементы одежды, шторы для окон, подсвечник. Очень нужен стол, стулья, посуда и все то, что было на кухне.

Старинные документы из архивов и частных коллекций проиллюстрируют официальную хронику еврейской общины нашего города, связанную с общероссийской государственной историей.

Особое место в музейной экспозиции займет документ начала XX века – архитектурный проект еврейского «молитвенного дома». Это здание из красного кирпича на улице Пушкинской, которая раньше называлась Гальяновой, имеет собственную историю.

Для создания интересной и исторически достоверной экспозиции музею очень нужны старинные фотографии, документы. С них будут сделаны копии, а сами оригиналы – возвращены владельцам. Возможно, у кого-то хранятся предметы быта, которые могут стать украшением нашего будущего музея.

Главное для нас – собрать полную историю еврейской общины Твери.

Е. ВИНОГРАДОВА.

Есть город...

10 апреля – святой день для всех одесситов. В этот день 65 лет назад в центре города ворвались бойцы нашей стрелковой дивизии.

Оперный театр был заминирован, но партизанам удалось перерезать проводку, саперы тщательно проверили в нем каждый закоулочек, обезвредили и вынесли мощные мины замедленного действия.

Когда бои затихли, тысячи ликующих жителей города вышли на улицы и площади, обнимали воин-освободителей, выносили на середину улицы столы и угощали своих освободителей всем, что у них было.

По улицам шли от дома к дому советские саперы, оставляя после себя лаконичные надписи: «Проверено. Мин нет».

В полдень у оперного театра батальоны, участвующие в боях за Одессу, выстроились в развернутую колонну и замерли по команде «Смирно!». Командир дивизии вместе с командирами полков и знаменосцами вышел на балкон театра и в торжественной тишине водрузил алое знамя. В тот же день в честь освобождения Одессы Москва салютовала 24 залпами из 324 орудий.

Боль утрат и ненависть к фашистским варварам переполняли сердца воинов, увидевших руины

Одессы – крупнейшего индустриального центра и первоклассного порта страны, города передовой культуры и города-курорта. Хотя советским войскам и партизанам удалось спасти основную часть города, фашисты нанесли ему огромный ущерб.

Гитлеровцы за время оккупации замучили, повесили и расстреляли в городе и области до 200 тысяч человек. В еврейских гетто погибли все мои родственники и соседи евреи, которые не успели эвакуироваться.

В тот исторический день 10 апреля 1944 года наша маленькая семья – мама, бабушка и я – жили на станции Барыш Ульяновской области. Радио у нас не было. И все жители Барыша, кто слышал радостное сообщение об освобождении Одессы, бросились к нашему домику. Люди плакали, целовали нас, обнимали. Это был праздник для всего Барыша.

А 5 апреля 2009 года в «Центре гармоничного развития» собрались тверские одесситы и наши обычные посетители. Вспомнили «родителей» Одессы: Осика де Рибаса, герцога Ришелье, Ланжерона, Воронцова. Все с большим интересом посмотрели фильм о родном городе.

На экране такие знакомые и дорогие сердцу виды

Одессы: Приморский бульвар, Потемкинская лестница, Пушкинская, 13, дом, где жил А.С.Пушкин, Оперный театр.

А вот и университет, у парадного входа с друзьями молоденький Эдуард Теплицкий; я тоже побегала по этим ступенькам.

Дерибасовская... На мостовой (она сейчас непроезжая, а прежде была моя дорога в университет) гранитная скамейка, на ней сидит сам Леонид Осипович Утесов, а рядом с ним Эдуард Давыдович и Марина Абрамовна Теплицкие с внуком. А кто эта милая барышня в морской фуражке? Это Галя Петрулина. Она и её муж закончили Одесский институт инженеров водного транспорта и приехали работать в Тверь.

А как же без песен об Одессе, без одесских шуток? Два часа пролетели как один миг.

Тверичи, которые не были в Одессе, задумались: «А не съездить ли в отпуск?». А одесситы? Наверняка, вспомнили слова любимой песни:

*Есть город, который я вижу во сне.
О, если б вы знали, как дорог
У Черного моря открывшийся мне
В цветущих акациях город.*

Л. ФОМИНА.